

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СТАЛИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(КОНЕЦ 1920-Х – 1930-Е ГГ.)

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)61
С69

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Еврейского музея и Центра толерантности*

Ответственный редактор
д-р ист. наук С. А. Красильников

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. С. А. Красильников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 591 с. : ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2232-3

В коллективной монографии сибирских историков анализируется ряд ключевых аспектов феномена социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения в межвоенный период (конец 1920-х – 1930-е гг.). Центральное место отводится исследованию институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и социума (политика, идеология, экономика, культура, массовое сознание). Наряду с реконструкциями технологий осуществления и сопровождения всевозможных мобилизационных кампаний, рассматриваются проблемы адаптации и стратегии поведения отдельных страт советского социума в условиях интенсивного мобилизационного воздействия на них институтов сталинского режима.

Книга рассчитана на научных работников и всех интересующихся отечественной социальной историей.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-8243-2232-3

© Красильников С. А., введение, заключение, 2018
© Арнаут Н. Б., Красильников С. А., Кузнецов И. С., Миненков Д. Д., Пыстина Л. И., Ситников Л. А. (вклейка), Сосковец Л. И., Страбыкина Н. Д., Тепляков А. Г., Ушакова С. Н., Шаратов С. В., Шер О. В., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Постсоветскому периоду в истории России уже более двух десятков лет. И это представляется достаточным сроком для исторической рефлексии относительно того, какие трансформации претерпела в XX в. наша страна, вошедшая в этот век имперским государством с политическим режимом диктаторского типа, а после распада последнего избравшая путь создания государственности демократического типа.

В историографическом контексте «прощание» с социалистической нормативной историей обозначилось несколько раньше, в 1987–1988 гг., когда началось стремительное разрушение канонов, на которых базировалась официальная советская историческая наука. Одним из наиболее мощных по своим познавательным возможностям разрушителем стал концепт сталинизма как российской разновидности тоталитарных режимов, введенный в наше социально-гуманитарное научное пространство из западной политологии. За этот период указанный концепт прошел несколько стадий своего утверждения в отечественной гуманитаристике. Сегодня сталинизм стал органичной частью глоссария не только профессиональных ученых, но и политиков, журналистов, педагогов. Вместе с тем очевидно, что с феноменом сталинизма происходит то, что и должно было произойти со стереотипизированным образом: он стал «размытым», «многоликим», символичным и нарицательным, а его прагматичное, инструментальное использование в коммуникативных системах этому способствует. В итоге не только в современной политической практике или массовом общественном сознании, но и в научном сообществе сформировалась вполне «комфортная» для оценочного отношения к сталинизму шкала, состоящая как из безусловно негативного, так и из апологетического подходов, между которыми нашел место амбивалентный взгляд на данный феномен («с одной стороны... с другой стороны...»).

Для профессионального историка, изучающего постреволюционную эпоху, особенно конец 1920-х – начало 1950-х гг., очевидно, что без интеллектуального самоопределения по отношению к феномену сталинизма невозможно какое-либо научное исследование.

Прошедшая после 1991 г. четверть века стала для большинства российских историков временем ускоренного освоения в данной сфере наработок западных исследователей. Одним из результатов интеллектуальной переработки и переосмысления зарубежных подходов явилось понимание недостаточности и ограниченности применения к сталинской эпохе суммы классических характеристик тоталитаризма (вождизм, моноидеология, тотальные репрессии и т. д.). Со временем исследователи пришли к пониманию того, что сталинизм – это системное образование, где взаимодействуют и сочетаются не просто разные, но и разнонаправленные институциональные и внеинституциональные процессы и явления: в экономике передовые формы индустриального труда соседствовали с архаичными формами принуждения и насилия; в социально-политической практике масштабное государственное насилие сочеталось с массовой поддержкой дискриминационных и репрессивных действий режима и массовым же энтузиазмом в переустройстве общества на «социалистических» основах и т. д. В поисках базовых оснований, придававших сталинскому режиму необходимую устойчивость и воспроизводимость, мы приходим к выводу о важнейшей функции, которую выполняли в нем мобилизационные механизмы и технологии. Феномен массовой/социальной мобилизации и стал центральным объектом данного научного проекта.

В нашем исследовании мы исходим из того, что политическое устройство постреволюционной России (далее – Советский Союз) было представлено бюрократическим (тоталитарным) режимом, *идеократическим* – с опорой на светскую идеологию, что тем самым отличает его от теократических режимов, и *мобилизационным* – по способу своего существования. Данный режим представлял собой надстройку над конгломератом различных, преимущественно докapiталистических, социально-экономических укладов с мозаичной сословно-классовой социальной структурой, необходимая устойчивость которых достигалась за счет применения в отношениях с социумом технологий социальной мобилизации.

Под термином «социальная мобилизация» (СМ) понимается целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством. Социальная мобилизация позволяет власти сконцентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнении провозглашенных целей всеми имеющимися в распоряжении институтов власти средствами. Учитывая обязательную вовлеченность масс

населения в действия власти и сопричастность им, допустимо утверждать, что постреволюционная мобилизация – это деформированный, искаженный и фальсифицированный вариант модели общественного договора западного типа в его советско-сталинском варианте.

Социальная мобилизация в сталинской модели власти являлась универсальным инструментом управления инициированной режимом общественной активностью во всех основных сферах жизнедеятельности социума – в экономике, политике, идеологии, культуре, включая повседневность. Базовое положение в системе социальной мобилизации занимали такие официально провозглашаемые и традиционно признаваемые мобилизации, как: 1) воинские, 2) экономические (трудовые), 3) финансовые (займы) и 4) кадровые. Их общей целью являлось извлечение и использование режимом всех видов ресурсов – людских, материальных, финансовых и др. СМ осуществлялась режимом в формах: идеолого-пропагандистских и иных кампаний, выполнявших либо сопутствующую, либо самостоятельную функцию – кампании по мобилизации денежных средств населения (займы на индустриализацию и др. цели); кампании чисто политического (избирательные, по обсуждению конституционных проектов, по борьбе с «космополитизмом») или культурного (ликвидация неграмотности) характера и т. д. Существовали своего рода гибриды, маркируемые властью как хозяйственно-политические кампании (посевные, уборочные и т. д.). Особый вид СМ представляют судебные политические процессы. К социальной мобилизации следует отнести и такие действия, как массовые праздники, шествия, митинги и даже ритуалы (похороны, памятные даты) и т. д.

К сущностным чертам социальной мобилизации нами отнесены следующие:

- институциональность как важнейшая характеристика СМ, проявляющаяся в деятельности партийно-государственной машины и многочисленных «дочерних» «общественных организаций»;

- директивность СМ, выражавшаяся в установках прямого действия, включавшая в себя централизацию и планирование мобилизационных целей, масштабов, способов, сроков и результатов;

- всеохватность, которая давала максимум разнообразия форм и масштабов вовлеченности населения в действия власти и позволяла реализовывать контрольно-надзорную функцию (выделение среди «контингентов» групп по признаку «участие – неучастие» в займах, митингах, собраниях и т. д.);

- непрерывность, интенсивность СМ, выражавшиеся в том, что кампании и акции не только сменяли друг друга, но и сосуществовали во времени (Большой террор осуществлялся наряду с выборами

в Верховный Совет и т. д.), а будучи ограниченной сроками проведения, та или иная СМ проводилась в интенсивном режиме;

– агрессивность и конфликтность СМ, проявлявшиеся в культивировании конфронтационного типа мышления и действия;

– экстраординарность как норма, примером чего являлось решение практически любых кадровых проблем мобилизационными мерами (рабфаковцы, выдвиженцы, 25-тысячники и т. д.);

– ресурсозатратность как норма, когда население, равно как и агенты власти, считалось сталинским режимом, возобновляемым людским/кадровым ресурсом (кадровые «чистки», дискриминации, репрессии).

Модель социальной мобилизации может достаточно непротиворечно объяснить сосуществование и взаимодействие таких формально противоположных феноменов, составлявших основу тоталитарных обществ, как государственный террор и принуждение, с одной стороны, и массовое трудовое и политическое соучастие и поддержка значительной частью населения акций власти (стахановское движение, освоение новых территорий) – с другой. То и другое суть различные грани, или сегменты, социальной мобилизации. Наглядной иллюстрацией сказанному служит использование большевистским режимом идеолого-пропагандистских мобилизационных кампаний двух типов – консолидационного («борьба за») и конфронтационного («борьба против»). В реальности сталинский режим стремился комбинировать оба типа: в частности, борьба против «спецов-вредителей» сочеталась с кампанией за повышение производительности труда и ударничество на производстве и т. д.

Рабочая гипотеза, которая, как нам представляется, достаточно адекватно отражает реалии социально-политических, экономических и культурных изменений в Советской России / СССР в 1930-е гг., выглядит следующим образом. Из эпохи войн и революций (1914–1922 гг.) Россия вышла со сформировавшимся военно-мобилизационным режимом (ВМР), ставшим доминирующим и самодостаточным. В литературе хорошо описаны его основные составляющие – сверхцентрализм власти, милитаризация не только экономики, но и всех основных сфер жизни, широкое использование принуждения во всех его формах, возрастание роли идеологии и пропаганды. Такой режим не был российским порождением, но именно в России он получил географическую, идеологическую и политическую «прописку» на следующие более чем полвека.

1920-е гг. были периодом временной адаптации данной модели власти к реалиям послевоенной действительности путем отказа от части наиболее одиозных атрибутов (принуждение, массовые репрессии, гипернационализация и т. д.). Вместе с тем природа кризисов эпохи нэпа не только служила подтверждением неадаптированности

системы власти к реалиям смешанной экономики и сложной мозаичной сословно-классовой структуры, но и толкала, провоцировала институты власти к возврату к алгоритмам военно-мобилизационного режима. Для мотивации и обоснования необходимости подобной регрессии как нельзя более подходили кризисные ситуации – и внутри-, и внешнеполитические. Их сочетание и прагматическое использование сталинским режимом для самоутверждения проявили себя уже в 1927–1929 гг., когда внешний фактор (т. н. военная тревога 1927 г. – обострение отношений с Англией и Китаем, затем – военный конфликт вокруг КВЖД осенью 1929 г.) был использован властью для подавления как реальной, так и потенциальной оппозиции в лице «уклонов». Соответственно, хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг., трансформированный пропагандой в «кулацкую хлебную стачку», способствовал введению сначала элементов, а затем и всей системы чрезвычайных мер во внутренней политике.

Именно кризисные ситуации и их использование позволяли сталинскому режиму существовать и воспроизводиться, а сами социальные мобилизации стали сущностной чертой режима и способом его существования, функционирования, воздействия на общество и связи с ним. Социальные мобилизации из механизма преодоления кризисов превратились в способ конструирования новой реальности, а поэтому и в способ создания, воспроизводства новых «рукотворных» кризисов; часть их режим дозировал и контролировал, однако другие выходили из-под его контроля, вызывая дестабилизацию. Есть точка зрения ряда западных исследователей, утверждающих, что сталинизм явился продуктом и результатом системного кризиса российского общества, ответом на него и способом его преодоления. Данная формула нуждается в уточнении: однажды возникнув и утвердившись, сталинский режим сам явился источником новых кризисов и противоречий. Иначе говоря, страна на протяжении всех 1930-х гг. находилась в состоянии полумира–полувойны, организационно, технологически и психологически в состоянии кризисов, перегрузок и катастроф, а советское общество всем предшествующим предвоенным десятилетием было в значительной мере уже адаптировано к условиям наступившей летом 1941 г. «чрезвычайщины» военного времени.

Из всего возможного многообразия форм социальной мобилизации межвоенного периода нами в качестве предмета исследования приняты те из них, где мобилизационные процессы выражались в прямом виде либо принимали скрытый, латентный, а иногда и намеренно закрытый характер. К числу первых отнесены чисто кадровые кампании, объектом которых выступали отдельные страты: специалисты, дефицит которых приводил к практике принудительных

«перебросок» на различные «ударные стройки» первых пятилеток; кадровые рабочие, направляемые в деревню для ее «социалистического переустройства»; демобилизованные красноармейцы и командиры, используемые как экономический ресурс («красноармейские колхозы»). В коллективной работе особое место уделено такой специфической, «теневой» мобилизационной деятельности, как механизмы осуществления агентурно-осведомительной работы спецорганов в исследуемый период. Учитывая громадную роль идеолого-пропагандистских кампаний как институциональной формы реализации мобилизационных задач политического режима, исследовалось несколько их разновидностей. Каждая имела своей целью достижение максимального контроля над определенными сферами социальной жизнедеятельности, массового общественного сознания или отдельными профессиональными корпоративными группами: антирелигиозные кампании, кампания по обеспечению Шахтинского судебного процесса, кампании консолидационного типа, «советизационные» кампании в научно-образовательной сфере.

Мобилизационные кампании, несмотря на видимое разнообразие, имели типологически схожие для всякого мобилизационного процесса черты, отмеченные ранее: институциональность, директивность, масштабность, интенсивность и т. д. Отличаясь формами своего протекания, они сближались друг с другом качественно, содержательно, что и позволяет рассмотреть и квалифицировать социальную мобилизацию исследуемой эпохи как системную характеристику сталинизма как такового.

В процессе реализации данный проект получил организационную и финансовую поддержку от Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-00506а). Особую признательность авторы выразили О. А. Орловой за заинтересованное и квалифицированное редакторское сопровождение данного издания на стадии его завершения в 2013 г. С учетом прошедшего пятилетия авторы внесли определенные коррективы в прежние тексты, обратив внимание на новейшую историографию по тем или иным аспектам мобилизационной тематики, пополнив их вновь выявленным эмпирическим материалом, где это оказалось возможным и необходимым, при сохранении концептуальной позиции о том, что мобилизационность при сталинском режиме не была простым, прикладным инструментом, а играла существенную, системную роль в его утверждении и воспроизводстве.

С. А. Красильников

Раздел 1. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

С. А. Красильников

1. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований

Мобилизационность в контексте социальной мысли XX в.

Прошедший XX в. придал новое измерение массовым движениям в мире, не оставив в стороне и Россию/СССР. Наша страна оказалась в эпицентре событий мировой истории, пройдя в первой половине века через длинную и драматическую эпоху войн и революций, смену политического строя и утверждение в постреволюционное время тоталитарного режима. Вовлечение народных масс в социально-политические процессы, безусловно повлиявшее на ход и результаты/итоги событий национальной и мировой истории, справедливо оказывается в центре внимания социальных и гуманитарных научных дисциплин. Если для первых привычным является оперирование такими широкими концептуальными понятиями, как «революция», «война», «цивилизация», «прогресс», отражающими крупномасштабные явления и процессы («модернизация»), то для историков ныне не менее привычным становится заимствование и адаптирование разработанных (более или менее) теорий, подходов и инструментария философии, политологии, социологии применительно к названным выше мега явлениям и процессам.

В данном случае весьма поучительным примером заимствования историками арсенала «братских» дисциплин служит формирование такой важной для новейшей историографии предметной области, как теория, политика и практика социальных мобилизаций. Примечательно, что мобилизационная проблематика, будучи в своей основе и по природе междисциплинарной, сравнительно недавно оказалась в поле зрения историков. Это достаточно странно, ибо историки войн и революций, безусловно, скрупулезно анализирова-

ли явление массовых мобилизаций. Однако, как справедливо отмечено в известной притче, изучая слона, узкопрофильные специалисты эмпирически «ощупывают» кто бивни, кто уши, кто хвост. Впрочем, даже создание такой условной дисциплины, как «слоноведение», не избавляет исследователей от традиции изучения отдельных частей животного.

Отечественный социолог И. А. Климов в аналитическом обзоре понятия «социальная мобилизация» отметил следующие черты современного состояния мобилизационного дискурса: проблематика растворена в политико-идеологических дискуссиях, превращаясь в стереотипы широкого применения; не отрефлексировано в необходимой мере историко-теоретическое наследие¹. Далее, однако, он упоминает лишь работы немецкого философа Эрнста Юнгера как одного из первых ученых, с которых началось изучение мобилизационного феномена в 1930-е гг.²

Попытаемся далее более подробно рассмотреть осмысление опыта эпохи войн, революций, массовых движений и становления тоталитарных систем на примере работ трех современников – философов (Э. Юнгер, Х. Ортега-и-Гассет) и экономиста (Б. Бруцкус) – с акцентом на выявление не только сущности мобилизаций, но и оценочной стороны советской мобилизационной модели, что может быть важным для отечественных исторических исследований.

Три взгляда на социальную мобилизацию (Э. Юнгер, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Бруцкус)

Двадцатилетие (1919–1939 гг.), которое хронологически обозначило окончание Первой мировой и начало Второй мировой войны, получило название «межвоенный период». Оно стало временем новых глобальных и национальных угроз и одновременно поисков выхода из кризисов и противоречий, выдвижения новых объединяющих идей и проектов. Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. оказался своего рода рубежом, когда обозначились контуры «новых порядков» в СССР, Италии и Германии, противопоставлявших себя традиционным системам либеральной демократии. Осознание неизбежности новых потрясений заставляло не только политиков, но и социальных мыслителей искать пути и варианты консолидации общества на случай катастрофы, естественно опираясь на опыт прошедшей десяти-

---

¹ Климов И. А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004 № 1. С. 6

² Климов И. А. Социальная мобилизация... С. 9.

летием ранее эпохи войн и революций. Именно в это время (1930) появляются почти синхронно произведения двух европейских мыслителей немца Эрнста Юнгера («Тотальная мобилизация»)¹ и испанца Хосе Ортега-и-Гассета («Восстание масс»)², которые сделали свои заключения и оценки, а также отчасти прогнозы относительно того, что влечет за собой глобальное вовлечение масс в различных странах в политику и государственную деятельность. Одной из осевых проблем, которые обсуждались, стала необходимость учета «массовизации» социальной и политической реальности, ее потенциала и векторов (вариантов) направления этой энергии. В системе координат, заданных Э. Юнгером, понятие «тотальная мобилизация» означало констатацию данного феномена для того, чтобы понять его природу и возможные цели массовых движений в противоположность и как альтернативу существовавшим институтам капиталистической системы, т. е. «мировому порядку». Ортега-и-Гассет, не употребляя понятия «мобилизация», дает ему отрицательную характеристику, полагая, что массовые движения носят деструктивный характер. Иначе говоря, при сходстве позиции о громадном значении фактора мобилиционности, которая в дальнейшем будет только возрастать, немецкий философ видит в нем надежду, тогда как испанский философ рассматривает его как угрозу человеческому развитию.

В логике рассуждений Э. Юнгера есть четкая посылка о природе и причинах стремительного распространения указанного фактора с момента перехода мировой цивилизации в эпоху передела национальных границ с применением насилия и тотальной военизации населения, изменивших привычную природу и принципы ведения войн. Однако он не сводит саму мобилизацию только к узкопрофессиональному термину военной науки. В восприятии Юнгера тотальная мобилизация является выражением, предвестником наступления новой эпохи, эпохи разрушения прежних устоявшихся институтов и принципов государственного устройства, которая коренным образом изменит общественную жизнь различных стран, где Первая мировая война вызвала последующие массовые движения, революции и локальные (гражданские) войны. Ряд аналитических оценок и прогнозов, сделанных Э. Юнгером в эссе «Тотальная мобилизация» («ТМ»), имеют очень большую ценность нового научного знания. Ключевыми для понимания природы и механизмов действия мобилицион-

---

¹ См.: Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука. 2000. С. 443–469.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Москва, 2016.

ных процессов, выделенными Юнгером, были, на наш взгляд, следующие.

Прежде всего, Юнгер закрепил за «ТМ» ее понимание как одного из явлений того, что именовалось в его философской системе как гештальт (категория, обозначающая «высшую смыслопридающую действительность»). Базовое для него понятие «гештальт» он определял как «целое, которое охватывает больше, чем сумму своих частей. Это большее мы называем тотальностью»¹. Юнгер наделяет «ТМ» признаками, которые в более поздних философских теориях характеризовались как признаки системности того или иного социального явления. В основе классического понимания системы – синергичность, целостность, системный эффект (принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее компонентов; возможности системы превосходят сумму возможностей составляющих ее частей). Таким образом, взгляд Юнгера на «ТМ» можно рассматривать с позиций принципов системного подхода, таких как генетический, структурно-функциональный анализ и др.

Так, при изучении эволюции форм вовлечения масс для подготовки грядущей или начинавшейся войны он отмечал расширение масштабов мобилизации государством мужчин призывного возраста от частичной ко всеобщей, что следовало бы обозначить в современных терминах как «вертикальную мобилизацию», то есть реализуемую «сверху вниз». В то же время Юнгер как участник Первой мировой войны фиксирует всеохватность мобилизационных действий, пронизывающих все социально-профессиональные слои населения, то есть феномен «горизонтальной мобилизации»: «Наряду с армиями, бьющимися на полях сражений, возникают новые армии в сфере транспорта, продовольственного снабжения, индустрии вооружений – в сфере работы как таковой. На последней, к концу этой войны уже наметившейся стадии этого процесса нет уже ни одного движения, – будь то движение домработницы за швейной машиной, – которое, по крайней мере, косвенно не имело бы отношения к военным действиям. <...> Для развертывания энергий такого масштаба уже недостаточно вооружиться одним лишь мечом, – вооружение должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов. Эту задачу принимает на себя тотальная мобилизация, акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку воинственной энергии»².

---

¹ Юнгер Э. Рабочий... С. 423.

² Юнгер Э. Тотальная мобилизация... С. 449–450.

Далее Юнгер отмечает, что завершение военных действий после Первой мировой войны не только не означает отмены тотальных мобилизаций, но и их сохраняющегося («если образ войны уже вписан в порядок мирного времени»), хотя и видоизменившегося, характера, то есть их перманентности, но и не только. «ТМ» начинает оказывать влияние/воздействие на ритм всех сторон взаимодействия государства и общества: «Здесь можно упомянуть о таком явлении, как возрастающее урезание индивидуальной свободы, то есть тех притязаний, которые на самом деле уже издавна вызывали сомнение. Это вмешательство, смысл которого состоит в уничтожении всего, что не может быть понято как функция государства, мы встречаем сначала в России и в Италии, а затем и у нас дома, и можно предвидеть, что все страны, в которых живы еще притязания мирового масштаба, должны предпринять его с тем, чтобы соответствовать новым, вырвавшимся на свободу силам. <...> Русская “пятилетка” впервые явила миру попытку сведения в единое русло совокупных усилий великой империи. Почтительно видеть, как захлебывается здесь экономическое мышление. “Плановая экономика” как один из последних результатов демократии перерастает самое себя, сменяясь развертыванием власти как таковой. Это превращение можно наблюдать во многих явлениях нашего времени; высокое давление масс вызывает их кристаллизацию»¹. Из сказанного следует, что Юнгер анализировал своего рода генетику, стадийность всеохватности мобилизационных процессов, проходившую через три состояния – частичная – всеобщая – тотальная. То есть из сферы военной и экономической (первые две фазы) она перетекает в самую значительную и широкую, социальную сферу.

Следующий тезис Юнгера относится как раз к его размышлениям о том, что происходит, когда «ТМ» из организационно-технической сферы становится социально-культурным, массовым психологическим состоянием. Юнгер обозначает это как «готовность к мобилизации»². И здесь Юнгер выдвигает положение, что война является проверкой государственных режимов на прочность не только и не столько с технической стороны, сколько под названным выше углом зрения: «Уже в этой войне было не важно, в какой степени государство являлось милитаристским или в какой оно таковым не являлось. Было важно, в какой степени оно было способно к тотальной мобилизации. Германия же должна была проиграть войну даже в том случае, если бы выиграла битву на Марне и подводную войну,

---

¹ Там же. С. 451–452.

² Там же. С. 454.

ибо при всей ответственности, с какой ею была подготовлена частичная мобилизация, она не подвергла тотальной мобилизации обширные области своих сил»¹. В качестве разъяснения своей позиции он приводит мысль о том, что «в Германии была возможность лишь неполной мобилизации духа прогресса»², под которым Юнгер подразумевал достижения и ценности не только европейской цивилизации и культуры, но и различную степень мобилизации этого потенциала через пропаганду и убеждения в справедливом характере войны, в частности со стороны такой континентальной противницы, как Франция.

Всматриваясь в современность и пытаясь предугадать, на что же направлен вектор «ТМ» в межвоенный период, Э. Юнгер делает вывод, логически связанный с его пониманием данного феномена: «ТМ», возникнув однажды, может иметь разнонаправленные векторы своего дальнейшего существования. Меняются ли декорации на мировой сцене, или приходит «новый порядок», Юнгер видит действие обеих тенденций: «На смену патриотизму приходит новый, проникнутый сильными сознательными элементами национализм. В фашизме, в большевизме, в американизме, в сионизме, в движениях цветных народов прогресс переходит в прежде немислимое наступление; он как бы делает кувырок, дабы после описанного им круга искусственной диалектики снова продолжить свое движение на самой простой плоскости. Он начинает подчинять себе народы в формах, уже мало чем отличающихся от форм абсолютного режима, если не принимать во внимание гораздо меньшую степень свободы и комфорта. Во многих местах маска гуманности почти сорвана. Вместо нее выступает наполовину гротескный, наполовину варварский фетишизм машины, наивный культ техники, – и именно в тех местах, где отсутствует непосредственное, продуктивное отношение к динамическим энергиям, и дальнобойные орудия вместе с боевыми эскадрильями, вооруженными бомбами, суть лишь военное выражение их разрушительного победоносного похода. Одновременно возрастает ценность масс; доля согласия, доля публичности становятся решающими факторами политики. Капитализм и социализм, в частности, являются двумя большими жерновами, меж которых прогресс размалывает остатки старого мира, а в конце концов, и самого себя. На протяжении более чем столетнего периода «правые» и «левые» играли в мяч, перебрасывая друг другу ослепленные оптическим обманом избирательного права массы; постоянно казалось, будто у одного из противников

---

¹ Юнгер Э. Тотальная мобилизация... С. 457.

² Там же. С. 462.

еще можно было найти прибежище от притязаний другого. Сегодня во всех странах все однозначнее обнажается факт их тождества, и, словно под железными зубцами клещей, исчезает даже сон свободы. Великолепное и ужасающее зрелище представляют собой движения все более однообразных по своей форме масс, на пути которых мировой дух раскидывает свои сети. Каждое из этих движений способствует тому, что они захватывают еще надежнее и безжалостнее, и здесь действуют такие виды принуждения, которые сильнее, чем пытки: они настолько сильны, что человек приветствует их ликованием. За каждым выходом, ознаменованным символами счастья, его подстерегают боль и смерть. Пусть радуется тот, кто во всеоружии вступает в эти места»¹.

Диагноз Э. Юнгера после сравнительного анализа двух мировых систем – «старой» (капитализм) и «новой» (социализм) – оказывается в конечном счете незавершенным: он подмечает лишь тождественность существовавших форм, где ценность масс рассматривается только как ценность ресурса для идеолого-политического манипулирования ими. И здесь, в завершающей стадии своего эссе о «ТМ», Юнгер неожиданно приходит к согласию с утверждением, что время массовых движений приводит к их однообразию и возрастанию в них в качестве катализатора мобилизаций принуждения и насилия, что являлось «осевым» тезисом размышлений его современника – испанца Х. Ортега-и-Гассета.

Испанский философ в своем знаменитом произведении, ни разу не упомянув феномен социальной мобилизации, фактически посвятил ему немалую часть своих размышлений о природе массы, массовых движений и масштабах и последствиях «восстания масс» не только для государства и политики, но и для культуры (нравственности, духовности) и европейской цивилизации как таковой. Рассматривая массовизацию общественной жизни как свершившееся явление, Ортега-и-Гассет встраивает его в систему историко-культурных координат, используя образное высказывание немецкого политика В. Ратенау о «вертикальном вторжении варваров», и делает это неоднократно, приравнивая данный образ к тому, что он именует как «восстание масс»². Для него это явление не эквивалентно понятиям «революция» или «захват власти», поскольку не сводимо только к политике. Это – размышления о потенциале масс, их атрибутивных характеристиках, таких как усредненность, нивелирование ценностей и потребностей, упрощенное и потребительское отношение к

---

¹ Там же. С. 467–469.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс... С. 50, 83, 90.

достижениям культуры, нетерпимость к индивидуальности, свободомыслию и т. д. Важно отметить, что философ противопоставляет массовость как «варварство» понятию «цивилизация»: «Те люди, что готовы завладеть Европой, – такова моя гипотеза – это варвары, которые хлынули из люка на подмостки сложной цивилизации, их породившей. Это – “вертикальное одичание” во плоти»¹.

Представляется, что в переводе отмеченной гипотезы философа на язык более поздних теорий социальной мобилизации он рассматривал модель и механизм вертикальной мобилизации в обоих направлениях, как это принято рассматривать социологами в рамках модели социальной мобильности вертикального типа (снизу вверх и сверху вниз). Впрочем, в рассуждениях философа можно найти и указание на горизонтальное распространение массовизации («Мы живем в эпоху уравнивания – уравниваются богатства, уравнивается культура, уравнивается сильный и слабый пол»²). Восстание масс, или «варваризацию», он мог рассматривать как феномен самодвижения масс (или, на языке социальных наук, самомобилизацию) в ее различных проявлениях, так и векторы этих движений – либо в направлении прогресса, либо в сторону регресса. Автор постоянно размышляет над тем, кто же является либо выразителем, либо приобретателем столь новой и мощной социальной силы, кто возглавляет и направляет и управляет этими массовыми движениями.

Ответ философа носит очевидный характер. Двумя силами, в которых кристаллизуется идеология и политика массовых движений, становятся после Первой мировой войны коммунизм/большевизм и фашизм. Ортега-и-Гассет не случайно отводит им в своем анализе равное место (сравнимая сравнимое). При этом, и даже в большей степени, его интересует феномен русской революции, ее природы и перспектив. В его представлении «новоявленные политические режимы» на деле являются не профессиональной властью, а «политическим диктатом масс»: «Сегодня мы видим торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, вне всякого закона, и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы»³.

В своих рассуждениях сравнительного характера Ортега вводит такое измерение уровня культурности и цивилизованности, как усложнение жизни, социальных проблем, что требует усложнения способов их решения. Поэтому каждое поколение должно овладеть

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс... С. 90.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 10–11.

опытом прошлых поколений во всей его полноте. Ортега именуется это историческим знанием, памятью прошлого, и здесь должна быть органичная преемственность. Но далее он констатирует сопровождавший «восстание масс» «отход назад»: «Оттого-то и большевизм и фашизм, две политические “новинки”, возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять. И не столько по смыслу самих учений <...>, сколько по тому, как допотопно, антиисторически используют они свою долю истины. Типично массовые движения, возглавленные, как и следовало ожидать, недалекими людьми старого образца, с короткой памятью и нехваткой исторического чутья. <...> Непостижимо и анахронично то, что коммунист 1917 года решается на революцию, которая внешне повторяет все прежние, не исправив ни единой ошибки, ни единого их изъяна. Поэтому происшедшее в России исторически невыразительно и не знаменует собой начало новой жизни»¹. Далее Ортега считает, что русскую революцию ожидает обычный цикл всех значимых революций – после пика радикальности наступает откат, или реставрация, добавляя при этом, что длительность революции не более 15 лет, то есть период активной жизни поколения, далее приходит новое поколение «реставраторов» (хотя, как добавляет он, «реставрация не означает простого “возврата к старому” и никогда им не бывает»)². В своих дальнейших рассуждениях о том, что происходит «на другой день» после революционного взрыва, философ выдвигает, казалось бы, тривиальное положение, что из социального хаоса вырастает и кристаллизуется новый тип государственности, превосходящий прежние, обосновывая это тем, что массовые движения утрачивают, в силу своей социальной аморфности, самостоятельность, инициативность, сдаваясь на милость патернализму, опеки государства: «Здесь-то и подстерегает цивилизацию главная опасность – полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности. <...> Общество вынуждены жить для государства, человека – для государственной машины. <...> Вот итог огосударствленности – народ идет в пищу машине, им же и созданной. Скелет съедает тело. Стены дома вытесняют жильцов»³.

В контексте знания мирового опыта развития форм общества и государственности Ортега-и-Гассет следующим образом интерпретирует природу, результаты, плоды восстания масс, называя это «феноменом исторического камуфляжа», в случае которого «друг на

---

¹ Там же. С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 128, 129, 131.

друга накладываются две реальности – глубинная, подлинная, сущностная и внешняя, случайная, поверхностная. Так, у Москвы есть оболочка европейской идеи – марксизма. <...> Победа марксизма в России, где нет промышленности, была бы величайшим противоречием, с каким только сталкивался марксизм. Но такого противоречия нет, поскольку нет и победы. В России не больше марксистского, чем было римского в германцах Священной Римской империи. У молодых народов нет идей. И если в окружающем пространстве живет или угасает старая культура, они маскируются теми идеями, которые она предлагает. В этом камуфляж и его причина. Я надеюсь дождаться книги, где сталинский марксизм будет переведен на язык русской истории. Он силен тем, что есть в нем русского, а вовсе не тем, что в нем от коммунизма»¹.

При этом философ воздает должное силе идей: «Ни с того ни с сего не правят. Власть – это гнет. Но не только. Будь она только гнетом, все свелось бы к насилию, голому принуждению. Не забудьте, что у нее две стороны: принуждается кто-то, но и принуждается он к чему-то. И то, к чему он принуждается, – это в конечном счете участие в замысле, великом историческом предназначении. Не бывает могущества без программы жизни, точнее – без программы могущественной жизни»².

Философ отмечает, что Европа «проходит фазу “соблазна большевизмом”»: представим, что исполинский “пятилетний план” осуществит цели, преследуемые правительством, и гигантская русская экономика будет не только восстановлена, но и расцветет. Какова бы ни была суть большевизма, это грандиозный пример человеческого замысла. Люди взяли на себя судьбу переустройства, и напряженная жизнь их – подвижничество, внушенное верой»³. Данная мысль необходима философу для того, чтобы одной идее противопоставить силу другой идеи: «В строительстве Европы как великого национального государства я вижу единственное, что можно противопоставить победе “пятилетнего плана”»⁴.

В понятии «восстание масс» испанский философ увидел и рассмотрел двоякий потенциал как созидательного, так и разрушительного характера. Переводя на язык понятий мобилизационной парадигмы, пафос его рассуждений мог бы быть сведен к поискам выхода из дилеммы «созидание–разрушение». Сами массы, уравнивавшие в

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс... С. 149–150.

² Там же. С. 155–156.

³ Там же. С. 213.

⁴ Там же. С. 214.

великую идею революции, исподволь стали строительным материалом для создания сверхгосударства. Анализируя российский революционный опыт, Ортега делает два принципиальных вывода, на первый взгляд, противоположных друг другу. Марксизм как идеология в условиях России есть «исторический камуфляж», для коммунизма в стране нет объективных оснований. Но русский большевизм реализуется в иной ипостаси как сильная централизованная социальная система и сверхгосударственность как его институциональная основа, то есть как новое национальное государство. Впрочем, для Ортеги в этом нет противоречия, поскольку в феномене «пятилетки» в СССР он видит действие разнонаправленных тенденций как потенциально возможное построение общества с новой системой ценностей, так и в противоположность этому – воссоздание этатизма в новой, коммунистической/идеократической оболочке. Ортега справедливо считал, что Россия/СССР находится на исторической развилке – либо саморазвивающееся общество, либо всепоглощающее государство, лишенное тем самым внутренних стимулов и источников движения.

Если Ортега рассматривал феномен причин и возможных последствий массовых движений как «восстание масс», то другой мыслитель, российский экономист Борис Бруцкус, высланный из Советской России в 1922 г., имел возможность проанализировать советский опыт «мобилизации масс» в своей работе «Советская Россия и социализм», написанной в 1937 г. Примечательно, что Бруцкус, будучи принципиальным противником большевизма, тем не менее стремился с научных позиций объяснить природу и результаты советского эксперимента и разобраться, что в нем есть от социализма как практического воплощения его базовых принципов. Он исходил из допущения, что сам проект, задуманный как социалистический, сталкивается в СССР с непреодолимыми противоречиями и трудностями: «В России социализм, и там не хорошо»¹.

Как полагал Бруцкус, «ввиду безграничных естественных богатств России как раз ее хозяйство возможно организовать на основах, приближающих к автаркии»², то есть выстроить независимую политико-хозяйственную систему, альтернативную мировому капиталистическому порядку. Затем, если понимать под ядром социализма коллективизм, – в стране эти признаки (обобществление орудий производства, централизованное управление и плановое хозяйство) имеются налицо³. Впрочем, Бруцкус при этом добавляет, что не следу-

---

¹ Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 205.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 207.

ет принимать на веру «кооперативную» собственность колхозов как некую отличную от государственной: «Фактически колхозы обязаны выполнять государственные планы засева, обязаны сдавать государству за бесценок громадное количество сельскохозяйственных продуктов и управляются они... чиновниками советского государства»¹.

Далее Бруцкус констатирует, что за годы пятилеток прежде рыночное хозяйство периода НЭПа стало плановым. Именно централизации и плановости в области хозяйственной деятельности в СССР «удалось осуществить громадное накопление капитала, которое в условиях рыночного хозяйства возможно только для очень богатого народа, и капитал этот был направлен на создание прямо титанических предприятий тяжелой индустрии, которые в лучшем случае могут повысить благосостояние народных масс в отдаленном будущем, а в худшем случае, вообще, такого результата дать не смогут»². Не только тип хозяйства, но и финансовое его обеспечение полностью альтернативно капиталистическому: «В действительности роль прибыли в государственном бюджете совершенно ничтожна. Бюджет построен на двух основаниях: на невероятно тяжелом обложении индустриальных продуктов широкого потребления (налог с оборота) и на почти бесплатном изъятии сельскохозяйственных продуктов»³.

Задавая риторический вопрос: «Но почему же в России так тяжело живется?», Бруцкус отвечает вопросом: «А может быть, социализм (в форме коллективизма) по своему внутреннему существу совсем неспособен оправдать тех надежд, которые на него возлагают?»⁴. Следуя логике анализа «коллективистского социализма», Бруцкус обозначает его «роковые вопросы», к числу которых относит такие: «производительные силы народа будут использованы для целей, не имеющих ничего общего с материальными нуждами масс»⁵; коллективизм порождает систему «пайкового» распределения хозяйственных благ⁶; коллективизм не способен обойтись без принудительного труда, что подтверждено опытом двух пятилеток⁷.

На другой вопрос (что дали две пятилетки России) Бруцкус дает два варианта измерения. В первом случае, если измерителем является «совокупные производительные силы», или материальное, прежде всего индустриальное, производство, результаты достигнуты

---

¹ Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 208.

² Там же. С. 209–210.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ Там же.

успешные. Но если встать на точку зрения, что хозяйство не самоцель, а средство для удовлетворения потребностей народных масс, то картина совершенно иная: «...первая пятилетка вызвала резкое понижение уровня жизни как рабочих, так и крестьянских масс, и что она закончилась двумя голодными катастрофами 1932 и 1933 г., стоившими жизни неисчислимому количеству людей. И на обеих пятилетках лежит Каинова печать принудительного труда. Предвидение Троцкого оправдалось: строительство социализма без многих сотен тысяч, а может быть, даже и миллионов принудительных рабочих, оказалось невозможным. На “раскулачивание” сотен тысяч крестьянских семейств, на ссылку тысяч и тысяч интеллигентов мы слишком односторонне смотрим как на проявление бескрайнего большевистского террора. При этом совершенно упускается из виду, что главным мотивом для этих ужасающих мероприятий было благополучное завершение планов социалистического строительства. Достаточно внимательно вчитаться в грандиозные планы использования природных богатств далеких и пустынных русских окраин, начертанные в пятилетках, чтобы убедиться в том, что планы эти без сотен тысяч принудительных рабочих и без тысяч ссыльных интеллигентов неисполнимы. Те, кто любит величием Днепрогэса и Магнитогорска, не должны забывать про те сотни тысяч ни в чем не повинных людей, которые под охраной чекистов рубят северные леса и добывают руды в заброшенных за тридцать земель рудниках или прокладывают каналы “среди топи блат”»¹.

Наконец, Бруцкус называет главную (роковую) причину того, почему хозяйство при «коллективистском социализме» не повернуто целиком к обслуживанию нужд населения: «...при социализме хозяйство находится целиком во власти государства. И вот перед властвующей группой стоит великий соблазн использовать силы хозяйства для укрепления своего могущества. Против этого соблазна она устоять не может, и в оправдание она всегда сумеет отождествить свое благополучие с интересами... мирового пролетариата, мировой революции и тому подобных великих идей... В своей речи от 7 января 1933 г., в которой Сталин резюмировал результаты первой пятилетки², он совершенно открыто заявил, что собственно хозяйству можно было бы дать другое направление, которое гораздо лучше удовлетворило бы потребностям народных масс. Но в таком случае, сказал он, не были бы достигнуты другие цели, которые он считает более важными, чем удовлетворение потребностей народных масс. Какие

---

¹ Там же. С. 217.

² См.: Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1939. С. 36–397.

же это цели? Сталин назвал их три: 1. Вооружение; 2. Независимость от капиталистического окружения (автаркия) и 3. Завершение социалистического строительства. Ни одна из этих целей не является экономической, и Сталин констатировал лишь факт господства политики над экономикой в советском хозяйстве»¹.

Хотя в понятийном аппарате Бруцкуса нет термина «мобилизация», но он фактически пронизывает, как ось, всю аналитику его размышлений о природе и тупиках «коллективистского социализма», проводя последовательно сравнения его принципов с основами европейской цивилизации с ее рыночными и демократическими институтами. Подчеркивая, что советская трансформация экономики на началах огосударствления, централизации управления и директивного планирования действительно способна достичь очевидных результатов, но только в областях, никак не связанных с интересами, нуждами и потребностями трудящихся, и даже им противоположных («в русском коммунизме нужно видеть попытку развить военную экономику и дать ей новое направление и цель»)², поскольку инвестиции оказываются вложенными не в народное благосостояние, а в оборону, создание замкнутой, автаркичной экономической модели, и нацелены на укрепление собственной власти и мощи тоталитарного государства. Лишенная механизмов саморазвития, основанных на интересах трудящихся, хозяйственная система с неизбежностью обречена на все расширяющееся использование принудительного труда. По сути, Бруцкус ставит вопрос о цене в социальном, человеческом измерении мобилизационных стратегий сталинской системы, проделывающей «социальные опыты над живым телом народным», реализующей «дело, требующее неисчислимых жертв»³. Говоря об эпохе реализации грандиозных по масштабам проектов в СССР, Бруцкус отмечал, что «не может быть речи об оправдании с экономической точки зрения громадных жертв, которых потребовал этот эксперимент. Накануне мировой войны русская индустрия очень сильно прогрессировала, и это не требовало жертв от народа»⁴. Как видим, оценки мобилизационной модели раннесоветской экономики, данные Б. Д. Бруцкусом, неизбежно совмещали в себе понимание необходимости измерять ее не только в категориях «результатов», но и в категориях «цены», что делает его научное наследие актуальным и востребованным в контексте современных обществоведческих дис-

---

¹ Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм... С. 218.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же. С. 179–180.

куссий о феномене мобилизационности, в том числе в его преломлении к отечественной истории советского периода.

Возвращаясь к предмету самой дискуссии, воспользуемся анализом, проделанным И. А. Климовым о направлениях, сформировавшихся в рамках мировой социологической мысли относительно природы, форм проявления и значения массовых мобилизаций. Первой стадией осмысления данного феномена стала парадигма «коллективного действия», для которой было характерно рассмотрение «мобилизации действия», то есть не только готовности к действию, но и само действие¹. В рамках данного направления как отдельное ее течение появились схемы, модели, описывающие формы протестных движений. Другим направлением в социологии массовых движений стала разработка парадигмы «мобилизации ресурсов», в рамках которой ученые «стремились в первую очередь операционализировать понятие “ресурсы”, систематизировать все их разновидности, а затем описать механизмы, с помощью которых происходит их аккумуляция и использование участниками социальных движений»².

Рассматривая далее различные подходы к анализу феномена социальной мобилизации, Климов обращает внимание, что среди социологов существуют базовые принципы, вытекающие из системного подхода к социуму. Так, структурно-функциональная версия теории социального действия (Т. Парсонс и Р. Мертон) базируется на изучении закономерности взаимоотношений между объективными и субъективными факторами действия. Социальная мобилизация в данном контексте является индикатором преобладания девиантных тенденций и разбалансировки системы; со своими задачами не справляются ни интегративные механизмы, ни механизмы подавления девиаций, а социализация и социальный контроль теряют свою эффективность: «Рассогласование системы взаимных ожиданий и принципов социального взаимодействия приводит к специфическим реакциям агентов на такую дисфункцию системы – от пассивного конформизма и отчуждения до появления “инновационно-активистских” установок и даже мятежа»³.

Мобилизационные действия, рассмотренные в данной системе координат как социальная девиация, обладают несомненной эвристической ценностью для историка. Вопрос только в разумном освоении и применении данной научной идеи к историческим событиям эпохи

---

¹ Климов И. А. Социальная мобилизация... С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 17.

войн и революций в России/СССР первой половины XX в. Вероятно, мало кто будет возражать против того тезиса, что революционные и постреволюционные режимы мобилизационного типа несли в себе потенциал не только созидания, как считается в марксистской парадигме, но и разрушения, экстремальных и аномальных явлений, то есть девиации. Если рассмотреть концепцию Р. Мертон, представленную им в знаменитой публикации «Социальная структура и аномия», то известный социолог предлагает проанализировать причины возникновения девиаций, угрожающих структурной равновесности, варианты проявления девиаций и типологию поведения групп и индивидов, оказавшихся в девиантной ситуации, крайним выходом из которой может стать аномия (кризис и разрушение социокультурной среды не только групп, но и всего социума).

Согласно концепции Мертон, во всякой большой социальной структуре при ее функционировании заложены два основания. Первое из них – определяемые культурой цели, намерения и интересы, признаваемые обществом или его большинством, и приобретают поддержку и значимость, ценностей, «за которые стоит бороться». Второй базовый компонент социального действия «определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей». Связанность и соотнесение между собой целей и средств их достижения имеет несколько вариантов. Р. Мертон определяет вначале полярные случаи, при которых в первом из них доминантой выступает целеполагание, достигаемое не столько институциональными, сколько любыми способами, а во втором самоценным выступает не столько цель, сколько сохранение и верность институциональным образцам и нормам (ритуализм). Между этими двумя типами помещается средний вариант, при котором динамично сочетаются провозглашаемые цели и узаконенные, легитимные средства для их реализации.

Далее Мертон предлагает свою, ставшую классикой в социологии, типологию социального поведения (приспособления, адаптации) индивида или группы к условиям, существующим в обществе по критериям принятия или отторжения целей и нормативно установленных правил (средств). Выделяются пять типов социальной реакции: подчинение (конформизм); инновация (обновление); ритуализм; ретретизм (уход от жизни); мятеж¹. За исключением конформизма, где сочетается приспособление к господствующим в обществе целям и способам их достижения, четыре других из перечисленных типов

---

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 304–305.

поведения являют собой девиации, отклонения от нормы, и по своей направленности они дисфункциональны.

И хотя Р. Мертон четко оговаривает, что разработанная им типология работает в условиях стабильно действующего социального порядка, где девиантное поведение может быть «переварено» системой, однако вполне допустимо, что данная модель, в рамках которой социальная мобилизация рассматривается как аномалия, равно как и выделенные Мертоном типы социального поведения, могут быть операционализированы применительно к проблематике социального поведения в мобилизационных условиях. Это тем более важно, что тот же Мертон связывал девиацию со своей трактовкой явления культурной аномии (состояние общества, в котором прежние культурные нормы и ценности уже разрушены, а новые еще не утвердились): постреволюционное российское общество как раз находилось в такого рода состоянии, где рассогласование между официально провозглашенными политико-идеологическими целями и социальной реальностью, возможностями их достижения оказывалось весьма значительным.

Природа мобилизационности коренится в том, что следует считать в известном смысле девиацией, отклонением от нормы в сторону ее повышения, превышения обычного состояния, или активизации потенциала, возможностей личности, общности. Степень отклонения от нормы, может и, как правило, имеет характер чрезвычайности, экстремальности, напряжения имеющихся сил, ресурсов, нацеленность на максимально возможное их использование. Здесь может быть уместной формула волевого перевода возможностей личности, общности, социума, любой социальной системы или социального института из ординарного состояния в экстраординарное. В известном смысле мобилизационность есть перенапряжение, превращение из нормы в аномалию, девиацию. Сам механизм непрерывно воспроизводимой мобилизационности создает/порождает алгоритм трансформации: девиация/аномалия становится нормой, постоянством, новой реальностью. В этом смысле примечателен феномен советских мобилизаций в сфере труда, когда «ударничество», приводящее к превышению норм, порождает их закрепление с точки зрения норм выработки и расценок за труд. То же относится к периодически осуществлявшимся советским государством кампаниям по привлечению финансовых/денежных средств населения (займы): из экономического инструмента займы своей периодичностью и технологиями осуществления становятся «добровольно-принудительными». Значительная часть мобилизаций сталинской эпохи в нашей стране носила не только и не столько добровольную, самостоятельную и имеющую внутреннюю мотивацию участия в них, сколько имела за-

вуализированный характер принудительности, «исторический камуфляж»: *Мобилизация превращает норму в аномалию, затем аномалия становится новой нормой.*

Мобилизация в контексте социально-политических исследований

В традиции и западных, и отечественных социальных наук понятие социальной мобилизации используется для обозначения процесса, в ходе которого широкие слои населения объединяются государством, партиями, социальными движениями для достижения социальных целей (модернизации экономики и общества, упрочения геополитической мощи и т. д.). Задача волевого воздействия институтов власти на социум состоит в осознанной потребности ускорить этот процесс, придав ему целенаправленность, размах, устойчивость, необратимость. В соответствии с этим значительная часть работ, изучающих феномен массовых мобилизаций, связана с политической мобилизацией (ПМ), то есть самой распространенной формой вовлечения групп и слоев социума в политические процессы. По мнению современного российского политолога Д. В. Гончарова¹, при рассмотрении природы, форм и функций ПМ в качестве базового принципа следует принять ее деление на *мобилизованное* и *автономное*. Первое из них выступает следствием воздействия со стороны политических лидеров или организаций на индивидов и основано на подавлении или искажении свободных и рациональных политических предпочтений индивидов. Второе является результатом рационального самоопределения индивидов. В таком противопоставлении политическая мобилизация наделяется ценностно отрицательным статусом. Однако, как отмечает политолог, в реальности имеет место не противопоставление, а взаимодействие обеих форм участия индивидов и групп в социально-политических процессах. Кроме того, в большинстве своем западные политологи и социологи, следуя за К. Дейчем, считают, что в рамках модернизационного концепта ПМ обладает позитивным характером, поскольку оказывается необходимым социокультурным и институциональным условием модернизации.

Политологи выделяют также два обобщенных типа мобилизации – *соревновательный* и *авторитарный*. Мобилизация в соревновательных системах протекает в условиях четкого разделения институтов артикуляции и институтов аккумуляции общественных интересов. В этом пространстве происходит адаптивное обобщение

---

¹ Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // ПОЛИС. 1995. № 6.

языка национальной политики к уровню выражения групповых и индивидуальных интересов. Авторитарный тип мобилизации игнорирует разделение обозначенных выше функциональных задач, подменяя процессы аккумуляции общественных интересов работой по «политическому просвещению масс», индуцированию в их сознание пропагандистских клише.

Другим фундаментальным основанием природы и функций мобилизации является ее зависимость от социальных конфликтов. Отсюда основной формой выступает *конфликтная мобилизация*. В России традиции политического участия «густо окрашены в конфликтные тона». Политика, как правило, воспринималась именно как конфронтация, а на психологическом уровне участие в политических акциях связано с эмоциями борьбы, противостояния, враждебности. При этом, по мнению Д. В. Гончарова, в политике следует придерживаться стратегии «рациональной конфликтности». Используя классификационное деление конфликтов на *реалистичные* и *нереалистичные*, политолог к числу первых относит те, что связаны с вполне определенными проблемами социально-экономического развития и ориентированы на материальные интересы социальных групп. К конфликтам нереалистичным он относит идеологические. Здесь нет непосредственных материальных интересов, это, по преимуществу, сфера политической риторики. Политикам достаточно знать массовые настроения и недовольства и умело использовать их в собственных корпоративных интересах.

Обращаясь к характеристике процессов политической мобилизации в современной России, политолог отмечает, что они в высокой степени тяготеют к авторитарному, а не соревновательному ее типу. Основная причина такого положения видится в отсутствии самодостаточных структур артикуляции прагматичных общественных интересов, а также в недемократическом характере господствующего типа политической культуры граждан. В структуре социального действия значительное место занимают протестные формы поведения, ориентированные на непрагматичные, идеологизированные типы социального конфликта. Значительная часть граждан при принятии электоральных решений игнорирует содержащиеся в мобилизационном призыве апелляции к ценностям демократического участия и ориентируется на патерналистские структуры социального взаимодействия. Существенную роль в процессах политической мобилизации российских граждан продолжает играть бюрократия, как центральная, так и региональная.

Проблема теории массовых мобилизаций занимает важное место в исследованиях современного российского философа и социолога

О. Н. Яницкого. В своей публикации¹ он рассматривает мобилизацию как базовую категорию теории социальных движений. В частности, автор анализирует базовые понятия и признаки массовых мобилизаций, расстановку сил в критических ситуациях, стадии мобилизационных состояний, типы используемых ресурсов и способы их мобилизации, использует и конкретизирует понятие «коридор мобилизации».

Исследователь выделяет четыре уровня мобилизационных состояний человека и сообщества. «Первый – это мобилизационное состояние человека и гражданина как *социальная норма*, более того, – необходимая предпосылка развития человека и накопления им социального и культурного потенциала. То же относится и к гражданскому сообществу (группе, общественному движению), в которое он входит. Если нет внутренней мобилизации, концентрации, сосредоточенности на определенной проблеме, нет социально значимого результата, нет инновации и модернизации... Второй – *мобилизующее знание*, то есть знание, что ты или сообщество находятся в зоне повышенного риска. Этот риск может быть природный или социальный, когда предстоит столкновение (идеологическое или непосредственное) с потенциальным противником. То есть это *личная* и *групповая* мобилизация интеллектуальных сил и средств, их нацеленность на решение возможного конфликта, предотвращение катастрофы... Третий – *готовность к мобилизации*... Здесь происходит частичная или полная мобилизация *доступных* ресурсов, актуализируются информационные связи и ресурсы. Четвертый – само *мобилизационное действие как таковое*².

О. Н. Яницкий считает целесообразным ввести «различие между *обычным* (рутинным) и *целевым* мобилизационным состояниями. Готовность вообще и готовность к действию в специфических условиях места и времени при наличии ограниченных ресурсов – не одно и то же. Первое в нынешних условиях уже стало нормой жизненного процесса; второе предполагает тотальную мобилизацию всех наличных ресурсов»³. Кроме того, автор оперирует понятием, используемым в мировой политической социологии, – «коридор мобилизации»: «И протестная, и защитная мобилизация детерминируется коридором политических возможностей. Если политический режим тоталитарный или жестко авторитарный, возможности

---

¹ Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС. 2012. № 6.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

гражданской мобилизации минимальны или отсутствуют»¹. При этом важно учесть, что структура политических возможностей и потенциал массовой мобилизации зависят не только от действия социально-экономических факторов. Ныне общепризнано, что пиар стал инструментом «программирования и переключения» средств массовой информации, которые вполне способны создать социальный конфликт и мобилизационную ситуацию².

Благодаря, в первую очередь, усилиям западных и отечественных политических социологов, историки могут воспользоваться разработанными понятиями и инструментарием для ретроспективного анализа феномена социальной мобилизации, в том числе таких ее разновидностей, как массовая, политическая, экономическая и др. Очевидно, что нынешняя российская социальная практика нуждается в опоре на исторический опыт и понимание того, какие модели, типы, формы, структура и функции мобилизационных процессов сложились в предшествующие эпохи, в каком направлении они трансформировались и насколько значительно их воздействие на современную социально-политическую ситуацию в стране. Более того, отечественные социологи и политологи признают, что политическая реальность в прямом смысле отягощена тяжелым историческим наследием, когда в стране, следуя приведенной выше терминологии, «коридор мобилизации» для действий и инициатив гражданского общества остается крайне узким, а его расширение блокируется традициями авторитарной/тоталитарной мобилизации, не демократичной и не соревновательной по своей природе, опирающейся на патерналистский тип политической культуры.

Мобилизация в модернизационной парадигме

В этом случае правомерно рассматривать социальную мобилизацию в рамках не одного концепта или модели, а нескольких, предполагающих не только общественный прогресс, но и регресс, срыв, социально-политическую деградацию и катастрофу. Коль скоро модернизационная модель наделяется качествами абсолютной ценности, синонимом прогресса и развития, то аналогичными позитивными характеристиками наделяется и социальная мобилизация как присущая ему системная характеристика. Вместе с тем ныне исследователями признается, что модернизация также является вариативной, неорганичной и может осуществляться методами, заводящими в тупик

---

¹ Там же. С. 11.

² Там же.

самые грандиозные преобразовательные проекты и программы, при этом технические аспекты модернизации могут не сопровождаться прогрессивными масштабными изменениями в социокультурной и политической сферах. Признается также, что даже при объявленной модернизационной программе и в ходе ее осуществления может произойти «модернизационный срыв» и своеобразный откат назад, когда грандиозные изменения в технике и экономике вызывают социальные катастрофы, усиливают архаику и традиционализм, то есть порождают разнонаправленные тенденции и способствуют далеко не прогрессивным изменениям в различных областях жизнедеятельности социума.

Соответственно, следует допустить и разновекторную направленность самой социальной мобилизации, могущей иметь антимодернизационные, антисоциальные потенциал, вектор и итоги. В этом случае представляется возможным исследовать социальную мобилизацию не как инструмент и функцию модернизационного развития, рассматривая СМ не как однозначную ценность в ее позитивной коннотации, как это делается в рамках модернизационного концепта, а в рамках других концептов. Одним из таковых может стать концепт тоталитаризма. Обращаясь к нему, большинство исследователей сходятся на том, что в тоталитарных режимах происходит искажение, деформация и даже перерождение тех базовых основ и результатов, которые составляют природу феномена модернизации. В частности, даже те из историков и политологов, которые не являются приверженцами данного концепта, сходятся на том, что в тоталитарных системах перерождаются фундаментальные принципы модернизации. В результате этого приходится говорить не только о неполноте и несистемности осуществления принципов модернизации, но и о прямом противоречии им. Отсюда появление таких терминов, применительно к оценкам характера и последствий преобразований советской эпохи, как «консервативная модернизация»¹. Ниже рассмотрим различные познавательные возможности использования феномена СМ другими концептуальными схемами.

Среди выполненных в последние годы исторических исследований феномена массовой/социальной мобилизации в более широких концептуальных рамках (государство – социум) обращает на себя внимание аналитическая публикация Н. М. Морозова «Мобилизационный тип развития Российской цивилизации»². Автор

---

¹ Вишневецкий А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998 г.

² Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2011. № 2.

анализирует аргументы сторонников точки зрения о том, что отечественная, локальная, цивилизация основана на постоянном воспроизводстве мобилизационных механизмов развития, задаваемых интересами и приоритетами государства, опираясь при этом на действующую «компенсационную систему», обеспечивающую адаптацию социума к чрезвычайным условиям жизнедеятельности.

В своих построениях Н. М. Морозов солидарен в целом с А. Г. Фонотовым, определившим мобилизационный тип развития (МТР) как «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм»¹, но отмечает, что в истории России «были периоды, когда общественные цели, средства и организационные формы не испытывали явную социальную нагрузку чрезвычайности, что не отмечало мобилизационный тип развития».

В характеристике фактора государственности как компонента мобилизационного развития все авторы сходятся на его ключевой роли. Концентрация и перераспределение как методы управления нередко становились эффективными инструментами экономного и рационального использования ресурсов в условиях господства государственной собственности. Экономисты, политологи, историки солидарны в том, что этатизм имел важнейшее значение в чрезвычайных обстоятельствах (периоды войн), в осуществлении ускоренного проектного развития отдельных регионов Севера и Востока страны, в обеспечении технологического прорыва в оборонных отраслях. При этом они же солидарны и в том, что «обратной стороной достигнутых успехов являлось длительное существование “неэффективных” зон жизнедеятельности, которые отдавали и обратно недополучали ресурсы», а такого рода диспропорции отражались на эффективности самой политики индустриализации.

Другой опорной составляющей феномена мобилизации А. Г. Фонотов называет компенсационную систему, которая обеспечивает «перенастройку» и адаптацию социума к воздействию чрезвычайных факторов и устойчивую жизнедеятельность в неблагоприятных условиях². В экономике мобилизационного типа решающее значение приобретают методы внеэкономического стимулирования социально-трудовой активности различных слоев населения, включая элиту. Спектр данных методов весьма широк: эксплуатация энтузиазма, административный нажим, репрессии, солидарная ответственность,

---

¹ Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 71.

² Там же. С. 102.

получение социальных благ, повышение или снижение статуса исполнителей и т. д.

По мнению А. П. Прохорова, компенсационная система являлась формой адаптационного приспособления институтов власти и гражданского сообщества к чрезвычайным обстоятельствам и экстремальным фазам в истории страны, прежде всего в XX в.¹ В частности, он обратил внимание на особую функцию негосударственных структур, призванных стимулировать социальную активность населения, прямо или опосредованно контролировать государственные управленческие иерархии. Это – партийные органы, целая сеть общественных организаций типа комсомола, профсоюзов, народного контроля и др., частично совмещавшие функции и государства, и гражданского общества. Автор обращает внимание на такой элемент механизма стимулирования активности управленческой системы, как делегирование полномочий, навязанных властями отдельным социальным группам с использованием «круговой поруки». Таким способом государство, с учетом ориентации людей на общинную (артельную) систему отношений и коллективизм, с помощью движений социалистического соревнования и других форм организации солидарной ответственности минимизировало свои усилия и подключало резервы гражданского самоуправления на низовом уровне².

Н. М. Морозов, полемизируя с теми исследователями, которые с позиций либерализма оценивают российскую локальную цивилизацию как «расколотую» по социокультурным основаниям, обреченную на положение «полупериферии», утверждает, что мобилизационный тип развития страны – не аномалия, а базовый фактор обеспечения системности общества, адаптации и устойчивости его к чрезвычайным обстоятельствам: «В XX столетии стратегия преодоления обострившихся хозяйственных, демографических, управленческих и других проблем, отнесенная к мобилизационному типу развития, обеспечила появление и развитие новых политических и экономических институтов у народов СССР, объединенных вокруг русского этноса, высокие темпы роста научных знаний, более совершенный уровень медицинского обслуживания, улучшение структуры и качества питания населения, образования, социальной защиты, повышение продолжительности жизни людей и другие достижения»³.

---

¹ Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2006. С. 134–158.

² Там же. С. 70–84.

³ Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской цивилизации... С. 183.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ	
1. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований (С. А. Красильников)	11
2. Проблема социальной мобилизации в современной англоязычной историографии (С. Н. Ушакова)	45
3. Сталинская модель социальной мобилизации в современной исторической литературе (С. А. Красильников)	62
4. Экономические аспекты сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения (И. С. Кузнецов)	79
Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-КАДРОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ	
1. Мобилизации специалистов (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) (Л. И. Пыстина, О. В. Шер)	96
2. Двадцатипятипятисотники в Сибири (1929–1933) (Н. Д. Страбыкина)	168
Раздел 3. СПЕЦИАЛЬНЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ	
1. Красная армия как мобилизационный инструмент «социалистического переустройства» (Д. Д. Миненков)	265
2. Агентурная работа ОГПУ–НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима (А. Г. Тепляков)	338
Раздел 4. ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КАМПАНИИ И ПРАКТИКИ	
1. Антирелигиозные мобилизационные практики советского режима в 1920–1930-е годы (Л. И. Сосковец)	425
2. Пропагандистское обеспечение Шахтинского процесса 1928 г. (С. В. Шаратов)	490
3. Система образов в агитационно-пропагандистских кампаниях консолидационного типа (1935–1937) (Н. Б. Арнаутов)	526
4. Наука и ученые в мобилизационной парадигме 1930-х гг. (С. А. Красильников)	551
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	583
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	588